

ПАМЯТЬ

Международный человек

Кажется, еще недавно, в дни своего 80-летия, Владимир Войнович рассказывал «Д» о том, как его писательская жизнь оказалась во многом связана с Германией. Как жил и кем себя чувствовал Войнович в Германии, как это повлияло на его произведения? Об этом, вспоминая недавно ушедшего из жизни писателя, с его дочерью **Ольгой Войнович** и литературоведом **Борисом Ланиным** побеседовал **Андрей Архангельский**.

Андрей Архангельский

21 декабря 1980 года Владимир Войнович с семьей был выслан из СССР, в том же году писатель попросил политическое убежище в Германии. Так началась его вторая жизнь. В 1980–2000-е, за исключением двух лет в США, писатель жил в Штокдорфе и Мюнхене. Почему выбор пал на Германию, Мюнхен? Вспоминает дочь писателя Ольга Войнович: «Мы приехали в Германию 21 декабря 1980 года, формально — по приглашению Баварской академии искусств, потому что отец был членом этой академии. У нас были и другие приглашения, даже из Америки, но мама (Ирина Войнович, 1938–2004) выбрала Германию. Конечно, сначала родители были в шоке: они не понимали, в каком мире оказались. После нескольких недель нашего пребывания в отеле представители академии мягко предложили: „Может быть, вы хотели бы поискать квартиру, не торопясь?“ На что мама ответила: „Нет-нет, все нормально, мы можем жить в отеле“. Они не понимали, что отель, за который платила академия, обходился очень дорого. Вскоре Барбара фон Вульфен, дочь бывшего генерального секретаря академии поэта графа Подевилля, предложила нам пожить у них в загородном доме в Штокдорфе, пригороде Мюнхена. У них там был второй дом с садом. Примерно через три недели мы переехали в Штокдорф и прожили там до 1993 года.

Немецкий язык мы учили по-разному. Я — в школе с первого класса, мама ходила на курсы в Гёте-институт. А папа выучил язык сам. У него была феноменальная способность к языкам, он хорошо говорил по-украински и по-польски.

Отец снял у соседей домик и устроил там что-то вроде студии. Там он и работал каждый день. Потом я уже поняла, что он тогда работал над романом „Москва 2042“. Он писал его в приподнятом настроении, видно было, что роман идет хорошо. Также он писал тексты для радио „Свобода“, где раз в неделю выступал (потом эти статьи были опубликованы в сборнике „Антисоветский Советский Союз“). Его также часто публиковали в *Süddeutsche Zeitung* и *Frankfurter Allgemeine*.

Какие-то контакты с Союзом оставались — путем переписки: кто-то отвозил письма в СССР, кто-то привозил обратно. После 1985 года родители с надеждой, с интересом наблюдали за перестройкой. А отец, как известно, уже предугадал ее в своем романе и был очень доволен, что его прогноз сбывается.

Почему-то в России думают, что отец вернулся в Россию в 1990 году, после того как ему вернули советское гражданство. Это не так. Он часто ездил в Россию, говорил, что ему очень важно там быть, что там его читатели. Но до 2006 года он все-таки больше жил в Германии, а потом часто приезжал ко мне в Мюнхен. Он говорил, что чувствует себя и москвичом, и мюнхенцем, и русским, и европейцем — словом, международным таким человеком».

С доктором филологических наук, профессором Борисом Ланиным мы беседуем о немецком периоде творчества Войновича:

С дочерью Ольгой в своем мюнхенском доме

«Ко времени переезда в Германию уже был написан „Чонкин“. К этому времени Войнович стал самим собой: он был успешным советским писателем. Когда „Новый мир“ напечатал его повесть „Мы здесь живем“ и выплатил ему гонорар 10 тыс. руб. — колоссальная по тем временам сумма, он пришел домой со свертком, подбросил деньги под потолок — деньги разлетелись. Это

«Он говорил, что чувствует себя и москвичом, и мюнхенцем, и русским, и европейцем — словом, международным таким человеком»

можно понять: он прошел через советскую бедность, у него был репрессирован отец. Но при этом он не любил врать, в нем не было лукавства. Неслучайно свою первую повесть он назвал „Хочу быть честным“. Суд над Бродским, процесс Синявского и Даниэля, я думаю, затронули его личность. Он считал правильным подписывать письма в защиту, помогать гонимым.

Когда человек уезжает в эмиграцию, первая неделя, месяц являются критическими:

определяющие ошибки совершаются именно в это время. Войнович, возможно, совершил одну важную ошибку. Ему сразу же по приезду предложили штатную работу на радио „Свобода“, но Войнович отказался. Он считал, что работать вне штата — это гарантия писательской свободы. Но чтобы свободно мыслить, эту свободу в современном мире нужно как-то обеспечить финансово. Позже он никогда не жалел об этом выборе, но отказ от гарантированной зарплаты предопределил многие его мытарства и самоограничения. Внештатник ведь должен писать немало больше, чем штатный сотрудник, потому он вынужден был регулярно писать скрипты для радио „Свобода“ — по десять штук, они были очень популярными, его очень любили, но это отнимало у него много сил».

16 июня 1981 года Войновича лишили советского гражданства. Он вспоминал, что почувствовал невероятную обиду — так, что первый раз захотелось заплакать. И он написал Брежневу открытое письмо: «Господин Брежнев, будучи умеренным оптимистом, я не сомневался, что в недалгом времени все ваши указы, лишające нашу бедную родину ее культурного достоинства, будут отменены...» Письмо Брежневу он разослал радиостанциям и в *Süddeutsche Zeitung*. В газете его попросили изменить обращение «господин Брежнев» на «многоуважаемый господин», как принято в Германии. Войнович отказался и добавил, чтобы было бы неплохо, если бы в газете написали немецкое сло-

во «heгг» в русской транскрипции. Брежнев умер в ноябре 1982 года. Приехав в 1983 году на Франкфуртскую книжную ярмарку в советский павильон, Войнович спросил, почему нет ни одной книги «выдающегося писателя Леонида Брежнева», которые были повсюду еще в прошлом году. Как вспоминал Войнович, еще до того, как он закончил говорить, представители советского павильона в ужасе выбегали из зала.

Борис Ланин: «Он долго писал „Москва 2042“ — с 1980 по 1986 год. Сначала он хотел назвать „Москва 2032“. Он был замечательным оптимистом и надеялся, что доживет до 100 лет. Но потом понял, что лучше да той 2042 год. Конечно, неслучайно фамилия рассказчика Букашов: это образ майковского „Клопа“. Идея прозрачная: столетие спустя динозавры вымрут, а букашка останется. Конечно, „Москва 2042“ была главным произведением, написанным им в эмиграции. Он стал дважды пророком — в этом романе, а во второй раз в повести „Шапка“ (1987). Где он в том числе предсказал даже свои похороны — не на Новодевичьем кладбище, а на Троекуровском. Он даже угадал, что Союз писателей будет возглавлять бывший полковник. Эта повесть в России недооценена (по повести „Шапка“ в 1990 году была поставлена пьеса „Кот домашний средней пушистости“ совместно с Григорием Гориным). В „Шапке“ видно, как работала вся эта цеховая иерархия, вся эта „инженерия человеческих душ“. Это едкая сатира — определять по качеству меховой шапки, классик или не классик, бессмертный писатель или не бессмертный... Бессмертному, кстати, хорошая шапка нужна... Это, конечно, была и его личная история: он ведь, уехав в эмиграцию, сам остался „без шапки“. Благодаря чему почувствовал себя окончательно свободным от советского. Но при этом — что важно — он сам никогда не признавал за собой этого термина — „антисоветский“. Политических ярлыков для творческой деятельности он не признавал.

Еще одна важная вещь немецкого периода — „Фиктивный брак“, в какой-то степени это паравраз „Путем взаимной переписки“. Мужиче и женщине нужен фиктивный брак, они его заключают, а потом начинают разбираться, какие у кого были причины. Ей нужно было, чтобы ухажеру нос утереть, а ему — чтобы получить возможность поехать „в Англию или в Анголу“, он все время путает — женатых за границу выпускают с большей охотой. А потом он надеется купить на эти деньги дубленку, а если повезет — и „Жигули“... И так вот они в конце и остаются вместе — два абсолютно ненужных друг другу человека. Это столкновение романтического, книжных формул и банальной повседневной жизни, банального и сакрального — важнейший прием у Войновича».

Владимир Войнович: «Информации об СССР у меня за границей было больше, чем у любого советского человека. Я мог читать советские газеты в библиотеках, но кроме того, я уже читал американские газеты и немножко немецкие. В начале 1987 года в Мюнхен приехала журналистка Юлия Троль из газеты „Новое русское слово“. Я ей сказал, что в СССР начались серьезные перемены. Она захотелась заплакать. И он написал Брежневу открытое письмо: „Господин Брежнев, будучи умеренным оптимистом, я не сомневался, что в недалгом времени все ваши указы, лишające нашу бедную родину ее культурного достоинства, будут отменены...» Письмо Брежневу он разослал радиостанциям и в *Süddeutsche Zeitung*. В газете его попросили изменить обращение «господин Брежнев» на «многоуважаемый господин», как принято в Германии. Войнович отказался и добавил, чтобы было бы неплохо, если бы в газете написали немецкое сло-

во «heгг» в русской транскрипции. Брежнев умер в ноябре 1982 года. Приехав в 1983 году на Франкфуртскую книжную ярмарку в советский павильон, Войнович спросил, почему нет ни одной книги «выдающегося писателя Леонида Брежнева», которые были повсюду еще в прошлом году. Как вспоминал Войнович, еще до того, как он закончил говорить, представители советского павильона в ужасе выбегали из зала.

Борис Ланин: «Ему, конечно, повезло в другом: теперь все его произведения перевелись на немецкий, у него появились немецкие читатели. Он выступал на творческих встречах, старался даже читать отрыв-

ки, которые могли, как ему казалось, быть смешны и интересны немецкой публике. Иногда его понимали, но часто — нет. Как у музыкантов есть музыка, не требующая перевода, так и у него в таких случаях был свой универсальный ключ — „Чонкин“. Он был понятен в любой аудитории. Когда зашла речь о том, чтобы экранизировать „Чонкина“, Войнович очень хотел, чтобы его сыграл Барышников. Но при этом сомневался, что красивый и стройный Барышников сможет сыграть лопоухого, кривоногого Чонкина. Ему объяснили, что Барышников — человек настолько одаренный, что сыграть может любого.

Нельзя сказать, что его жизнь в Германии серьезно повлияла на его писательскую манеру. Но, пожалуй, одна вещь выделяется на этом фоне — „Портрет на фоне мифа“ об

«Отец, как известно, предугадал перестройку в своем романе и был очень доволен, что прогноз его сбился»

Александре Солженицыне (2002). Это был совершенно честный, по Войновичу взгляд на Солженицына: заведомо субъективный, в войновической перспективе и масштабах. Его за эту книгу сильно ругали, обижались. Конечно, если бы не эмиграция, Войнович не почувствовал бы себя имеющим моральное право критиковать Солженицына. А так, они оба были равны по эмигрантскому статусу. Возможно, в этом была еще одна цель: разорвать вот эту новую складывающуюся писательскую иерархию в эмиграции, подзрительно напоминающую советскую с ее распределением рангов — на святых, пророков и просто писателей».

В августе 1990 года указом Горбачева Войновичу было возвращено советское гражданство. Владимир Войнович: «Несколько лет (1990-е годы) я жил на два дома. Даже взрослые люди, долго жива на Западе, потом с трудом возвращаются. Некоторые не возвращаются вовсе. Я хотел вернуться. Я ожидал, что мое отсутствие в России было замечено. Но прав оказался один мой товарищ, сказавший в свое время, что страна не заметила нашего отсутствия. Чем серьезнее я возвращался, тем больше чувствовал, что я здесь чужой. Подумав, я понял, что и раньше был чужим, а представление о том, что это не так, было лишь иллюзией. И здесь чужой, и за границей не совсем свой».

Этот вопрос бесчисленное количество раз задавали Войновичу журналисты, в том числе автор этого текста — кем он все-таки ощущал себя в эти годы? Войнович часто предпочитал формулу «русский писатель в Германии», и тут он также оказался пророчески точным. Можно сказать, это своего рода феномен XX века. «Русский писатель в Германии» — это судьба многих уехавших не по своей воле и нашедших приют в Германии. Достаточно вспомнить Фридриха Горенштейна или Бориса Хазанова. Многие сегодняшние писатели, например Владимир Сорокин, делают этот выбор уже по своей воле, предпочитая жить одновременно в двух таких непохожих и в чем-то похожих странах. Это помогает писателю оставаться человеком мира, свободным в суждениях — и сомнениях. Опыт, пройденный Войновичем, — буквально способность творить и жить «между стран» — является сегодня в своем роде нормой. Для того чтобы оценивать родину объективно, порой нужна именно такая дистанция.

ИМЕНА

Немецкий путь русской книги

Новый издатель «Фриденауэр Прессе» по-своему взглянул на историческое будущее понимания между народами.

Как именно — для «Д» рассказывает **Лутц Лихтенбергер**.

Неприметная улица в берлинском районе Веттинг. На третьем этаже классического доходного дома в залитой светом квартире стоит, казалось бы, обыкновенный книжный стеллаж. На самом деле он хранит российский-германскую историю издательского дела, литературы, да и в целом культуры. Фридерике Якоб олицетворяет собой будущее этой традиции. 35-летняя славистка — новый издатель «Фриденауэр Прессе», маленького берлинского издательства с большим репутацией, ставшего адресом номер один для немецких переводов русской литературы.

«Фриденауэр Прессе» основано в 1963 году в одноименном районе на юго-западе Берлина Андреасом Вольффом, внуком петербургского издателя М. О. Вольффа. С первых дней миссией издательства стал выпуск в свет ранее не переводившихся на немецкий язык произведений. Дочь Вольффа Катарина Вагенбах, которая впоследствии сама приняла от него профессиональную эстафету, однажды описала стоящую за этим идеей так: «Дарить читателям радость открытий вне зависимости от времени появления и языка оригинала, будь то новинки, несправедливо забытые творения или находки „раскопок“, как бы дремавшие в архивах, антологиях и полных собраниях сочинений».

Автором первой книги издательства «Фриденауэр Прессе» был знаменитый Гюнтер Грасс

В 1960-е годы «Фриденауэр Прессе» начинало с немецкой современной литературы: первой изданной книгой стало творение бу-

дущего лауреата Нобелевской премии в области литературы Понтера Грасса — по сути, в формате брошюры, прошитой нитками. И по сей день в серии Presse-Drucke издательство публикует тетрадки, обладающие антикварной элегантностью.

В 1983 году руководство издательством переходит к Вагенбах, которая все больше внимания уделяет русской литературе. Для женщины, ни дня не прожившей в России, но выросшей с русским языком своих родителей и бабушки, русская литература оказалась историческим багажом, языковой родиной. В разгар холодной войны ее миссия была далека от политики, но то, что издавала Вагенбах, все же способствовало улучшению понимания между народами, как это в идеале случается с книгами. Издательство также занимается переводами с французского, испанского и польского, но русский язык по сей день являет собой центральную часть программы.

Фридерике Якоб, родившаяся в 1983 году, описывает миссию издательства на удивление схоже. «Литература — это не просто освещение событий», — отмечает она. Разумеется, ей также хочется помочь читателям увидеть другую картину Восточной Европы. В нынешних условиях вновь обострившейся конфликтной политической ситуации меж-

ду Россией, США и Европой медийное освещение вне зависимости от политической направленности всегда неизбежно занимается сортировкой, осуществляется под неким специфическим углом зрения. «К счастью, сущность литературы, напротив, в другом... Она дает возможность приблизиться к той или иной стране без предварительной интерпретационной подготовки».

Одним из важнейших детищ издательства остается «Конармейский дневник 1920 года» Исаака Бабеля, легший в основу его знаменитого романа «Конармия». В середине 1980-х годов Вагенбах отправляется в авантюрную поездку в Москву на поиски рукописи, которую считают утраченной. Там ей удается выйти на вдову Бабеля Антонину Пирожкову, которая вот-вот должна была эмигрировать во Флориду. Как выяснилось, все эти годы женщина с большим риском для себя хранила уцелевшие части дневника. Вагенбах сумела меньше чем за полдня завоевать доверие — она перепечатала рукопись на печатной машинке и вернулась в Берлин. Там текст перевел на немецкий язык звездный переводчик издательства Петер Урбан. Наконец, в 1990 году книга впервые вышла во «Фриденауэр Прессе».

В рамках своей первой программы Фридерике Якоб текущей осенью уже переизда-

ла «Конармию», в следующем году на очереди и «Конармейский дневник». «Фриденауэр Прессе» стало своего рода российско-германским литературным институтом — во многом стараниями Петера Урбана, который не переставал поддерживать издательство и был превосходным стилистом. Умерший в 2013 году Урбан переводил произведения всех великих: Даниила Хармса, Николая Гоголя, Ивана Гончарова, Максима Горького, Александра Пушкина и прежде всего Антона Чехова. Те, кто смотрит Чехова на сценах немецких театров (а в Германии его ставят очень часто), слышат особый колорит переводов Урбана. Издатель Фридерике Якоб, которая подростком зачитывалась Достоевским, а позднее узнала и полюбила Чехова, в рамках следующей программы представит новое издание сборника его рассказов «Страх. Семь историй о любви».

Кроме того, будущей весной «Фриденауэр Прессе» и Фридерике Якоб, как и ее предшественница 30 лет назад, в схожей по своей запутанности политической обстановке вновь предложит вниманию немецкой общественности находку, считавшуюся утраченной навсегда, — это рассказы Всеволода Петрова (1912–1978), обнаружение которых в фондах Пушкинского дома в Москве не так давно стало событием культурной жизни в России.